

Вышкварцев В. В.

ТЕОРИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДИСКУССИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЮРИСТОВ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/13.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. II. С. 35-39. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

К.Д. Строев, с упором на географическую составляющую, подчеркивает, что «краеведение – это изучение геологического строения, рельефа, полезных ископаемых, климата, рек, озер, болот, почв, растительного покрова, а также животного мира своего края» [Строев 1993: 27].

Большой вклад в развитие краеведения внесли труды А.В. Даринского. Исследователь отмечает, что краеведение – термин многозначный: совокупность знаний об отдельных местностях, народное знание о своих родных местах, комплекс научных дисциплин, ведущих к научному и всестороннему познанию края, всестороннее изучение какой-либо территории, «не только область научного... познания, но и сфера активной практической деятельности» [Даринский 1996: 19].

На наш взгляд, более полное определение термину «краеведение» дано в исследованиях Т.А. Бабаковой, которая указывает, что «краеведение – это совокупность видов деятельности людей по познанию особенностей края (его экономики, культуры, истории и т.п.), по разработке на этой основе и осуществлению мер, направленных на прогрессивное его развитие» [Бабакова 1996: 31].

Последнее определение привлекательно по двум причинам – соответствует деятельностно-личностному подходу в образовании и этимологии слова «краеведение». Слово «ведать» имеет два смысла – знать и управлять, заведовать, тогда «ведание» (ведение) есть познание и управление.

Анализ вышеизложенных подходов показывает, что у разных авторов понятие «краеведение» имеет сходные черты. На основании этого под краеведением можно понимать совокупность знаний о природе родного края, его истории, экономики, быта, а, следовательно, материального и духовного наследия, полученного от предыдущих поколений.

При ярко выраженном географическом характере краеведения часто в практике его осуществления конкретные задачи связывают с изучением и других сторон жизни края, например, истории, местного литературного творчества, искусства и пр. В этом случае краеведение называют литературным, историческим и т.д.

В учебном процессе в школе чаще всего используют термин «школьное краеведение». Школьное краеведение рассматривается как составная часть краеведения (А.В. Даринский, Е.Н. Мешечко). Так, например, педагогическая энциклопедия трактует школьное краеведение как «изучение учащимися природы, экономики, истории и культуры своей местности: школьного микрорайона, города, села, района, области».

И.С. Матрусов, К.Ф. Строев видят значение и сущность школьного краеведения как всестороннего и взаимосвязанного изучения школьниками на уроках и во внеклассной работе под руководством учителя своей местности, района, области [Строев 1993: 27].

В настоящее время выделяются два направления краеведческой работы в школе. Первое отражает структуру научного краеведения и изучает его в виде «вкраплений» в школьных курсах истории, литературы, биологии, географии и других дисциплин. Второе направление базируется на подходе к изучению краеведения как самостоятельной учебной дисциплины. Наиболее целостным и в большей степени ориентированным на современного школьника является второе направление.

Именно единый курс школьного краеведения знакомит учащихся с природой, историей, населением, культурой родного края во взаимосвязи и взаимообусловленности. Именно он создает наилучшие предпосылки для формирования мировоззрения подрастающего поколения. Следовательно, необходимо ставить вопрос о придании комплексному краеведению статуса базового общеобразовательного предмета.

Как считает В.П. Соломин, «...особый интерес вызывает восстановление школьного краеведения в «законных» правах общепедагогического принципа...» [Соломин 1994: 8].

Список литературы

- Бабакова Т. А.** Теория и практика школьного экологического краеведения: Дисс...д. п. н. - М., 1996.
Даринский А. В. Региональный компонент содержания образования // Педагогика. 1996. - № 2. - С. 18-20.
Иванов П. В. Современное школьное краеведение // Советская педагогика. 1990. - № 4. - С. 27-39.
Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред В.В. Давыдов. - М., 1993. - Т. 1. - 608 с.
Соломин В. П., Станкевич П. В. Экологическое краеведение как основа формирования экологической культуры // Педагогические проблемы краеведения и туризма в школе и вузе: Материалы семинара. - СПб., 1994. - С. 8-10.
Строев К. Ф. О краеведческом принципе в преподавании географии // География в школе. 1993. - № 3. - С. 27.
Ушинский К.Д. Собрание сочинений: в 6 т. - М., 1983. - Т. 6. - С. 298.

ТЕОРИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДИСКУССИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЮРИСТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

*Вышковарцев В. В.
Московский новый юридический институт*

Возникновение идеи правового государства было обусловлено поиском наилучшего государственного устройства, который характерен для всего процесса развития правовой мысли. Приоритетной идеей организации власти была та, согласно которой государство представлялось, как механизм и средство защиты зако-

на, где существует не только развитая система прав и свобод граждан, но и ответственность государства перед ними. Наряду с этим формировались убеждения о неотчуждаемых естественных правах личности, равенстве людей, верховенстве закона.

Период конца XIX – начала XX века явил собой величайший прорыв в передовой правовой мысли учёных юристов и государствоведов, юридическая наука жадно обсуждала назревшие проблемы формирования «государства человека», подлинно «законного государства», от Аристотеля и Платона, до Д. Локка, И. Канта и Р. Моля. «Государство-Закон-Человек» - фундаментальная идея, Триглав учения о правовом государстве, его основа, в которую легли научные гипотезы мыслителей этих эпох. Указанную последовательность можно дополнить ещё одним элементом, который по нашему мнению должен стоять иерархически выше «Государства» - «Природа». Следуя учению Д. Локка, который исходил из представления о естественном (догосударственном) состоянии, являющимся состоянием полной свободы и равенства, «естественное состояние имеет закон природы, которым оно управляется и который обязателен для каждого. Создаваемые же государством гражданские законы обязаны соответствовать неотчуждаемым естественным правам, таким образом, устанавливаемый государством закон должен быть правовым. В случае же несоответствия позитивного закона естественному – утверждал Локк – нарушения естественных прав, народ, являясь сувереном, вправе оказать сопротивление незаконным действиям государства и создать новую форму, прибегнув при необходимости к восстанию против тирании» [Локк Д. 1988: 264, 310]. Таким образом, получили обоснование идеи государства и закона для человека, а именно - была чётко обозначена позиция, согласно которой государство и закон, - охранитель и гарант прав и свобод человека. При этом следует отметить, что с другой стороны человек, как носитель прав и свобод, носитель власти, ответственен перед государством и законом, поскольку «какой бы неограниченной и священной, неприкосновенной она ни была, не переступает и не может переступить границ общих соглашений, а каждый человек может всецело распоряжаться тем, что ему эти соглашения предоставили из его имущества и свободы» [Руссо Ж-Ж 1969: 173-174], и, как справедливо подчеркнул Т. Джефферсон, - «из законов природы» [Джефферсон Т. 1969: 25], а не в качестве дара, пожалованного верховным правителем.

Именно вследствие поднятия проблемы государства и прав человека западными мыслителями, был обусловлен небывалый расцвет и в прогрессивном движении отечественной правовой теории в России, видное место в которой заняла концепция прав человека и правового государства. В её разработке приняли участие выдающиеся учёные, юристы и мыслители дореволюционного периода.

Например, либерально-демократические воззрения Б.А. Кистяковского сводились к постепенному переходу от монархии к конституционному, правовому государству. В отличие от первой, где социум противопоставляет себя отдельному индивиду, по мнению Б.А. Кистяковского, в правовом государстве возникает проблема взаимоотношения государства и личности, примирение их интересов, разграничение деятельности государства и личности, которое должно быть обеспечено наличием у последних субъективных прав – неотъемлемых гражданских прав и общественных свобод, иначе как в судебном порядке, о чём впервые в английской правовой мысли заявил Д. Локк. Приоритетные права и свободы личности, такие как: свобода слова, печати, собраний, союзов, обеспечение права неприкосновенности личности, жилища, тайна переписки, в понимании Б.А. Кистяковского должны были выражаться в единении власти с народом в рамках их общих целей, задач, интересов. Такое сочетание привело к формированию оригинальной концепции народного (социалистического) правового государства, «которое смогло бы не только находиться на страже прав и свобод человека, но и обогатить правовую жизнь, правовую культуру России, тем самым обеспечить правовой прогресс государства и общества, открывая для России начала XX столетия очередные горизонты политической и правовой модернизации» [Кистяковский Б.А. 1911: 250].

Сущность правового государства нередко раскрывалась через цели, которые оно преследует и к которым оно стремится. Подобная точка зрения была высказана Б.Н. Чичериным, который полагал, что первой целью государства является обеспечение безопасности, второй – определение и охрана прав и свобод лиц. Несмотря на аналогичную с Б.А. Кистяковским позицию о сочетании общих целей, интересов общества и государства, Б.Н. Чичерин подошёл к этой проблеме диалектически: «Чтобы сохранилась гармония в целом, необходимо, чтобы частные цели подчинялись общей, поэтому государство должно властвовать над другими союзами. Государство есть союз, облечённый верховной властью» [Чичерин Б.Н. 1901: 125]. Речь идёт не только о подчинении, но и о соответствии интересов и целей одного человека интересам и целям всего общества. Обратной стороной монеты может послужить и деспотизм большинства, пренебрежение и злоупотребление обществом интересами отдельного индивида. Справедливой на наш взгляд представляется мысль Б.А. Кистяковского, который опасался, что деспотизм большинства может оказаться не менее жестоким, чем деспотизм одного правителя, и потом само по себе народовластие не может гарантировать прав отдельным гражданам. Это предостережение всегда должно находиться в поле зрения тех, кто является сторонниками идеи «правильного», «справедливого», правового государства. «Отсюда рождается потребность взаимного ограничения свободы; необходимо установление общего закона, определяющего область каждого лица» [Чичерин Б.Н. 1901: 424]. К данному суждению Б.Н. Чичерина необходимо добавить мысль и об установлении общего закона, определяющего область деятельности государства, что отмечал Н.М. Коркунов. «Каждый отдельный орган государственной власти – подчёркивал он, - имеет власть лишь в пределах закона» [Коркунов Н.М. 1915: 197]. Здесь нужно отметить прозорливость учёных, поскольку нельзя было отрицать, что после революции возможно пренебрежение правами и свободами человека. Вместе с тем, С.А. Котля-

ревский предполагал, что «новое право может сопровождаться безусловным ухудшением правового статуса членов государственного целого и их союзов; там, где мысль поглощена действительной или мнимой государственной необходимостью, она всегда склонна более или менее легко ими жертвовать» [Котляревский С.А. 1915: 382]. Впоследствии эта гипотеза превратилась в аксиому, которая просуществовала, пожалуй, до 1989 года, когда на XIX Всесоюзной Партийной Конференции впервые после долгого забвения проблемы построения правового государства и формирования так называемой «советской демократии», снова стали проводить оживлённые дискуссии по данной проблематике.

Говоря о демократии, которая предполагает наиболее благоприятную почву для формирования правового государства и соблюдения прав человека, следует подчеркнуть, что само понятие «демократия» в советской и современной российской правовой мысли осталось недоказанной теоремой. Зачастую демократия рассматривалась, как некий политический инструмент, продукт дарования государства – «вот демократия, суверенитет, свобода: берите столько, сколько сумеете проглотить» - одна из подобных искажённых сентенций, определивших статус России, как «демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления» [Конституция РФ 1993: ст.1].

На наш взгляд, справедливо писал Н.А. Бердяев о демократии, которую слишком часто понимают навыорот – не ставят её в зависимость от внутренней способности к самоуправлению, от характера народа и личности. «Русский народ должен перейти к истинному самоуправлению. Но этот переход зависит от человеческого материала, от способности к самоуправлению всех нас. Это требует исключительного уважения к человеку, к личности, её нравам, правам и свободам [Бердяев Н.А. 1989: 65]. Никакими искусственными взвинчиваниями нельзя создать способность к самоуправлению. Разъярённая толпа, одержимая корыстными и злыми инстинктами, не способна управлять ни собой, ни другими (Россия в 1917; 1991-1993 гг.)

Несомненно, представляют ценный интерес идейные позиции русских учёных, чьи дискуссии напоминали скорее монолог скепсиса, нежели действительные, рассуждения и конструктивные предложения о достижении государством статуса правового, законного, народного. Обращалось внимание на, своего рода, «бесполезность», «неактуальность» и «нецелесообразность» проблемы прав человека и правового государства. В частности, М.О. Гершензон считал, что человек всё же свободен, хотя и в бесконечно малом круге, однако «свободы в мире нет и не может быть, ибо всё обречено служению» [Гершензон М.О. 1918: 29]. Эта мысль подтвердила несколько ранее выдвинутое суждение Н.М. Коркунова о том, что государство во всех случаях действует как охранитель прав и интересов человека. Но этим не может ограничиться сфера его деятельности в силу наличия своих собственных особых интересов, предположительно не всегда разделяемых с интересами человека и общества. Как и Б.А. Кистяковский, М.О. Гершензон в свои суждения вкладывал прогностический смысл. Обезличение человека и государства, как рычаг управления над ними, существование «невидимого Бога», как подателя вещественных благ, концепция свободы, как результат отчуждения и унификации человека, демократия и свобода, как «античеловечность современного общества» [Гершензон М.О. 1918: 61], - всё это впоследствии обратилось в практику, и М.О. Гершензон, пожалуй, являлся одним из последних учёных-теоретиков в области юриспруденции и философии, кто старался показать, что может представлять правовое государство, если посмотреть на него в ином масштабе, и что находится на обратной стороне его медали. Именно потому, предчувствуя скорое в будущем обращение этой неизвестной, тёмной стороны «медали» государства – партийного этатизма и впадение русской юриспруденции, теории права и государства человека в долгий летаргический сон, М.О. Гершензон высказал совершенно потрясающую мысль: «Мне кажется: какое бы счастье кануться в Лету, чтобы бесследно смылась с души память обо всех религиях, и философских системах, и выйти на берег нагим, как первый человек... лёгким и радостным, и вольно выпрямить и поднять к небу обнажённые руки, помня из прошлого только одно – как было тяжело и душно в тех одеждах и как легко без них» [Гершензон М.О. 1922: 11], - такую мысль ещё выразит человечество после II Мировой войны, об этом скажет общество в конце 80-х годов прошлого столетия.

Небезоснователен критический подход к развитию концепций правового государства, прав человека в русской и советской правовой мысли. Критика и скептицизм не всегда оказывают негативное воздействие на общий ход и процесс развития какой-либо идеи. Напротив, это должно служить стимулом к выявлению всё более новых научных предположений, к предложению конкретной и эффективной теоретической и практической базы, необходимой для начального этапа «правового строительства» государства, формирования законодательной базы для поддержания баланса и стабильности интересов государства и человека. Именно поэтому зачастую были интересны и остались актуальны на сегодняшний день позиции зарубежных критиков.

Английский учёный исследователь Р. Пайпс обратил внимание, что до 1860 года прошлого века русская юриспруденция «даже не проводила различия между законами, указами и административными распоряжениями. Неумение различить между типами юридических актов, равно как и между областями прав человека, только усугубляла неразбериху, царившую в русской юриспруденции до последней трети XX века. Хуже того, до этого времени законы не нуждались в обнародовании для того, чтобы вступить в законную силу» [Пайпс Р. 1979: 283]. Часто они вводились в секретные документы и были известны лишь чиновникам, отвечавшим за их проведение. Министерство внутренних дел в 1870-80 гг. XX века нередко объявляло меры, затрагивающие жизнь всего населения, в своих секретных циркулярах, многие из которых не опубликованы и по сей день. Что самое важное, Свод основных законов Российской Империи 1906 года, Конституции Советского периода закрепляли права и свободы человека, однако то, каким образом они исполнялись, либо

нарушались, где факты имели своё подтверждение в различных подзаконных актах, циркулярах, аналогично хранились в папках с грифом «СС-00» до того момента, когда в конце 80 – х годов XX века государство вступило на этап, получивший название «гласность».

Правовое государство должно представлять собой баланс, паритет собственных интересов и интересов человека. Это уравнение должно быть чётко определено и отражено в законе. Должна быть зафиксирована и реализована аккумуляция задач и целей, совместно поставленных для достижения обществом и государством. Общая концепция правового государства учёных и юристов дореволюционного периода сводилась к необходимости принятия основного общего закона – Конституции, где и должны быть закреплены права, свободы и обязанности человека, обязанности государства перед человеком, механизмы и принципы осуществления власти народом. Иные законы должны соответствовать закону Основному, более конкретно разъяснять его общие нормы, таким же образом гарантировать права и свободы человека, объявляя их приоритетными, поскольку многие из них – право на жизнь, здоровье, самоопределение – являются принадлежащими человеку в силу природы, - естественными. В подтверждение выше указанного, справедлива точка зрения С.А. Котляревского: «Чисто законодательное закрепление тех или иных прав и свобод, не подкреплённое экономическими, политическими и другими гарантиями, на деле оказывается лишь декларацией или ширмой для прикрытия авантюристских намерений правителей» [Котляревский С.А. 1907: 80].

Безусловно, можно привести и противоположное умозаключение об отрицании как государственного и личного суверенитета, так и самого государства, полагая, что общественная среда в целях собственной охраны и развития создаёт силы «правлящих» и «управляющих», о чём писал Э.В. Кузнецов в книге «Философия права России [Кузнецов Э.В. 1989: 79]. Речь шла о проблеме существования в рамках государства класса эксплуататоров и эксплуатируемых. И если эта мысль, отрицающая государство сводится исключительно к причине существования классов управляющих и управляемых, то важно подчеркнуть, что ещё в процессе разработки Конституции РСФСР 1918 года эсер-максималист А.И. Бердников выдвигал в качестве первоочередного для Конституции раздел прав человека. Представляется, что он стал одним из авторов ключевого положения Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого об «уничтожении всякой эксплуатации человека человеком, полном устранении деления общества на классы, беспощадном подавлении эксплуататоров, установлении социалистической организации общества» [Конституция РСФСР 1918: Р. I]. Кроме того, с принятием Конституции РСФСР 1918 года, Российская Республика определялась, как свободное социалистическое общество всех трудящихся России, характеризовалось, как правовое, чьим специфическим признаком в его понимании являлось безусловное признание правовых форм и правовых пределов для всех проявлений государственной власти., а также «нерушимость естественного закона и неотчуждаемость основанных на нём субъективных публичных прав индивида», - что подчеркнул Ф.В. Тарановский., - профессор Петроградского университета, ещё в 1917 году [Ф.В. Тарановский 1917: 485]. Исходя из определённых выше позиций учёных-теоретиков дореволюционного периода, В.И. Тимошенко предложил следующую классификацию элементов, позволяющих сделать вывод о Российской Республике, как «правовом народном государстве», «конституционном государстве»:

1. Конституция (А.Д. Градовский, В.М. Гессен, А.Л. Малицкий). Конституция закрепила направления, задачи, цели, поставленные государством, конструкцию советской власти, определение и разграничение предметов ведения органов советской власти на местах; бюджетное право и т.д.;

2. Определение в законе конкретных направлений и форм деятельности государственной власти (Л.А. Жилин, Н.И. Палиенко, А.С. Алексеев). В Конституции РСФСР 1918 года было сказано об основной задаче РСФСР – установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства, полном подавлении буржуазии, уничтожении эксплуатации человека, водворении социализма. Вся власть, как это было указано в Основном законе, принадлежала всему рабочему населению страны. Однако говорилось и о верховной власти, принадлежавшей Всероссийскому съезду Советов, а в период между съездами – Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов. В данном случае речь шла об осуществлении верховной власти в отношении органов государственной власти, подотчётных съезду Советов и ВЦИК.

3. Гражданские свободы, рождающиеся из естественных потребностей человека, живущего в обществе (Н.М. Коркунов, Ф.Ф. Кокошкин, Ф.В. Тарановский). Перечень прав и свобод человека, закреплённый в Конституции был весьма скудный. Это объяснялось, прежде всего, переходным этапом государства, политическим и экономическим сдвигом общества в сторону построения нового советского социалистического государства. Огромным прорывом в области прав человека стало прямое указание на «гражданах обоёго пола» (мужчину и женщину), как полноправных участниках в избирательном процессе.

Таким образом, идея безусловного примата человека, его прав и свобод, ценностей, как основное звено государства, взаимодействие между которыми должно происходить в рамках закона, была и остаётся основой верно организованного правового, государства. Усилиями учёных-правоведов многих столетий и, в частности, дореволюционного периода, она превратилась в широкое идейное течение, правовую концепцию, которая нашла своё практическое воплощение в ряде стран мира, в том числе и в обновляющейся России на современном этапе её развития.

Список литературы

Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. - М., 1993.

- Гершензон М.О. Тройственный образ совершенства. - М., 1918.
Кистяковский Б.А. Право как социальное явление. - М., 1911.
Конституция РСФСР 1918.
Конституция РФ 1993.
Коркунов Н.М. История философии права. - М., 1915.
Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. - М., 1915.
Кузнецов Э.В. Философия права в России. - М., 1989.
Локк Дж. Сочинения. В трёх томах. - М., 1988.
Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. - М., 1988.
Пайпс Р. Россия при старом режиме. - М., 1993.
Свод основных законов Российской Империи 1906.
Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. - Юрьев, 1917.
Чичерин Б.Н. Наука и религия - М., 1901.

РАЗЛИЧИЕ МОДЕЛЕЙ СЛЕДСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Гвоздева И. С.

ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»

Необходимость рассмотрения вопросов, связанных с понятием, сущностью и классификациями форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве обусловлена тем, что от правильного выбора таких форм зависит эффективность использования специальных знаний при производстве по уголовным делам. Однако, на сегодняшний день «среди ученых и субъектов привлечения специалистов отсутствует единое мнение и системный подход к вопросу о формах использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве» [Шапиро 2004: 3].

Форма применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве определяется как система правил применения на этапах предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел специальных знаний сведущих лиц определенным образом, закрепленная в уголовно-процессуальном законе [Катревич 2006: 12], [Селина 2003: 21], а также как определенный порядок использования специальных знаний [Шапиро 2004: 3].

Наиболее распространенным является деление форм применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве на процессуальные и непроцессуальные. При этом можно встретить несколько подходов к выделению оснований для такой классификации.

Так, ряд авторов полагает, что критерием дифференцирования форм использования специальных знаний в уголовном процессе на процессуальные и непроцессуальные является характер результата, получаемого при применении той или иной формы использования специального знания: если результат должен иметь доказательственное значение, то данная форма использования специального знания должна относиться к процессуальным формам [Россинская 2006: 7-8], [Трапезникова 2004: 6]. Приведенная точка зрения обоснованно, на наш взгляд, подвергнута критике Е.В. Ломакиной, которая полагает, что разграничение только по этому основанию не позволяет создать всеобъемлющую систему форм, поскольку недостаточно учитываются характер, условия такой деятельности, правовые полномочия отдельных субъектов познания (и доказывания) по уголовным делам [Ломакина 2006: 15-17].

Согласно другой точке зрения, деление форм применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве на процессуальные и непроцессуальные зависит от наличия или отсутствия соответствующей регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве [Катревич 2006: 12], [Сердюков 2006: 16]. Ряд авторов проводит разграничение в зависимости от наличия или отсутствия процессуального оформления результатов такого применения [Орлов 2003: 36-37]. На наш взгляд при таких подходах остается не решенным вопрос о том, к процессуальной или непроцессуальной форме относить, например, характеристики, предоставляемые педагогами по месту обучения несовершеннолетнего обвиняемого. Их создание и подготовка нормами УПК РФ не регламентируется, однако после приобщения к делу в качестве иных документов, они используются в порядке и по правилам, предусмотренным действующим уголовно-процессуальным законодательством в отношении доказательств. Следовательно, использование сведений специального характера, содержащихся в таких документах, получает законодательную регламентацию.

К четвертой группе можно отнести мнения, согласно которым процессуальная и непроцессуальная формы применения специальных знаний выделяются в зависимости от целей деятельности дознавателя или следователя [Картавцев, Нестеров 2007] или в зависимости от назначения специальных знаний в уголовном судопроизводстве [Ломакина 2006: 15-17]. Такое деление, на наш взгляд, нивелирует различия между различными формами применения специальных знаний, поскольку применение специальных знаний всегда осуществляется для получения определенных сведений о каком-либо объекте.